

ЛЮБА ПРАВДА

НА ЯЗЫКАХ ХИНДИ
И СУАХИЛИ

Люба Правда

На языках хинди и суахили

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912516

ISBN 9785447481216

Аннотация

Стихотворения Любы Правды – это настоящие интеллектуальные мантры, это поклонение сразу всем богам и вера только в человеческий разум, это сухой взгляд на пустую реальность и атипичная любовная лирика, это падение духа до той критической точки, где он начинает автоматически возвышаться. Автор выражает благодарность за вдохновение своей маме, ненавидящей стихи, и разного рода трансцендентным материям.

Содержание

К языкам	5
Ссылка на гения	7
«Засыпает город Москва...»	7
«Куплю себе фотоаппарат задорого...»	8
Ссылка на гения	9
Репостмодернизм	12
Поэты не могут заткнуться	14
«Кровь на флаге империи...»	16
«С каждым годом труднее поверить в бога...»	17
Мечты о революции	18
«Все женщины делятся на дам и не дам —...»	19
В ресторан	20
Томиком Маркса	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

На языках хинди и суахили

Люба Правда

© Люба Правда, 2016

© Ия Легостаева, дизайн обложки, 2016

© Катерина Блоссом, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К языкам

Критики и авторы перестроечных учебников тщательно отмывали поэтов Серебряного века от алой революционной крови, оправдывали глупостью и молодостью их левачество и на рваные криком губы наложили подорожник нового времени, в котором бунт приватизирован пошленькими акционистами, а оппозиция позорней власти. Маяковскому оставили позвоночник, Есенину – слезливую деревенщину, восторг Блока перед адом революции пояснили и простили. Потом, в девяностые, политика на время вернулась в стихи, но из болота Миллениума не выбрались ни радикальные политики, ни радикальные поэты, призывавшие к восстанию против реальности. И если поэтам-мужчинам общество великодушно разрешило цитировать Летова и даже Ленина в юношеских своих стихах: всё равно подрастут и остепенятся, то поэты-женщины лишены и такого права. Не заключают, конечно, у птиц этого болота клювы давно размякли от нехватки кальция, но пожурят, спросят, вздыхая: «Ты всё про Маркса, Любочка? Про классовую войну? Ах, когда же уже будет про любовь!» Но ведь здесь всё про любовь – хочется заорать. И когда красный томик расширяет головы купленного рабочего класса, и когда мясо буржуев скрипит на молодых крепких зубах – всё любовь! Любовь к тому, чего нет, что вы не создали или просрали, глупые

вы болотные существа. И когда в безразличной толпе, в метро, среди угоревших по ЗОЖу и поэтов с пивом на лавке, прорезается голос, и хрупкая девочка отдаёт себя тонкокостной революции ради тщательно забытого будущего – я вижу лишь любовь, нежность и всепрощение, даже тех, кого прощать нельзя. Отрицая реальность болота и больше – жизнь, которую стыдно жить, – хрупкая девочка тонкокостной революции не сбрасывает со своего прекрасного парохода ослепительное прошлое. И в социальных сетях легко добавляет в друзья Евтушенко и Цветаеву, Вознесенского и Маяка, Кушнера и Багрицкого. Родись она в 90-х позапрошлого века – красила бы деревья в багровый вместе с Татлиным и верстала «Окна РОСТА» с Бриками, а потом сгинула бы в лагерях. Девочки тонкокостных революций не могут иначе. Но она – дитя Чака Паланика, и вот вам книжечка из девяностых годов века, которого у нас никогда не было. Учитесь языки. Хинди и суахили.

Максим Кабир, поэт

Ссылка на гения

«Засыпает город Москва...»

Засыпает город Москва
Кокаиновым снегом, кислотным дождём,
Потянет в центр шляться тоска,
Иначе заживо, сука, сожрёт.

Разрастаясь в пропорциях и толщине,
Жирная тварь умножит под рёбрами зуд,
Алконавты высаживаются на Луне,
Цветаевой дочери – на Тверском мрут

С капиталом: бутылок – звенящая рать,
По карманам – пакетики с анашой —
Страшно, когда нечего проебать,
И как это хорошо.

«Куплю себе фотоаппарат задорого...»

Куплю себе фотоаппарат задорого
Пофоткать бомжей в ракурсах разных,
По ком звонит, отче, сегодня твой ржавый колокол,
Какой буржуй рябчика прикладывает к ананасу

И поглощает (если бы) тоску прорусскую
Народа, болевшего борьбою за родину,
На тебе, хочешь, ещё козырный туз,
«Наеби красиво» – лозунг Мавроди,
На.

Психоанализ потерпел крах в советских реалиях:
Фаллос для избранных, простолюдинам покажут член,
Есть только один способ выжить – стрелять по хозяевам,
Как-то же нужно
страну поднимать с колен.

Ссылка на гения

1

Здесь должна была быть ссылка на гения,
А случилась ссылка в Воронеж,
Где Мандельштама посыпалось рвение:
Выронишь стих про тирана – утонешь.

2

Станешь струною звенящею, тонкою,
Руки на плечи – Хазиной Наде:
«Мир, из высоких материй он соткан,
Вы моим миром, жена, теперь правьте.

3

И на двоих нам не мёд и не золото,
Колос не спелый, а стебли бурьяна,
И я не знаю границ своей Родины», —
Так голос звучал Мандельштама.

4

А голос Сталина
В пастернаковском лежбище
Через трубу миллиона повешенных
В прелой, трупами пахнущей осени:
«Вы что скажете, Борис, про Осипа?»

5

А Пастернак (стоя, как перед дьяволом): «Мне, товарищ,
про Осипа – нечего,
Давайте лучше о нашем искусстве... советском –
о вечном».

Сатанинская поднимется сила... грузинская,
правлящая...

Сталин ему ответит: «Плохой вы, Борис, товарищ».

6

И положит трубку,
И положит поэта – на метафизический стол ампутации,
И человеку сражаться если бы с человеком,
Но Мандельштам не знает, ему с кем сражаться.

7

В безызвестность с Надей он едет,
Надеясь остаться здесь,
Потому что в следующем городе
Предчувствует свой конец.

8

Да, там его находят, там за ним приходят, не то чтобы
взять автограф,
А в отделении в ракурсах разных поэта века пофоткать.

9

Смерть в вонючем овраге.
Место – Владперпункт.

Все земные силы и небесные тоже врут,
Врут все молитвы и лозунги с пометкой «боже, спаси»,
Только честная Хазина Надя перепрятать успела
рукописи...

Репостмодернизм

(Катерине Блоссом)

1.

Пока несуществующий Создатель планету вертит,
Катя размышляет о царице смерти,
Косноязычный ребёнок pretty Katie,
Её ненавидят остальные дети.

Горящий подросток путешествует по горящему туру,
Смерть гуляет без глаз с твоею фигурой,
Смерть не носит имён, ходит в платье помятом,
Она – твой чувственный трип без права возврата.

Смерть так же, как ты, имеет этапы взросления,
Смерть – это девственная тоска весенняя,
С аккомпанементом в виде скрежета красноглазой мыши
С холста сходят люди, и кровь в разные стороны брызжет.

2.

Но.

3.

Смерть – это не саблезубый тигр,
Не укусы Дракулы на кладбище Новодевичьем,
Смерть – это пятна по всему телу родимые,

Татуировка в виде квадрата Малевича.

Смерть – это не человеческие пороки,
Это свет, под кожу искусственно загнанный,
Это некровоточащие раны, неглубокие,
Когда укусить хотели, а на деле – царапнули.

Смерть – это не следствие, а причина.
Булгаковская внезапность, хармсовский абсурд,
Будь уверена, что великие все эти мужчины
Тебя, великую, с потрохами сожрут.

Поэты не могут заткнуться

Маша большая, Маша железная,
В Маше сто килограмм, в ней живут бездны
И давно затонул корабль «Титаник»,
Машу хрупкие девочки-айсберги ранят.

Вот же ведьмы, что жрут и не толстеют,
Такая колдовская конституция,
А вот же поэты —
Страшные нечистые звери,
Поэты
Не могут
Заткнуться!

Через каналы, страницы, литадреса,
Вечера пафосные,
Идут, бренчат, брезжат голоса —
Вещает
Трансляция.

В парке, в театре, с пивом на лавке
Бубнят и слюною брызжут,
Поэты, поэта, поэтов давка.
Для ума ищут некую пищу.

Мало, в сущности, толку

От словоохотливых животных,
Их образ только украшен
Присутствием тучной девочки Маши.

«Кровь на флаге империи...»

Кровь на флаге империи.
Калом обложенная корона.
Мы с тобою такие древние —
Нас даже духи предков не тронут.

Мы с тобой изначально поехавшие,
Нас не поносила мать-земля,
Мы изобрели символизм – как в истории брешь,
Где цивилизация – вещь,
Изобретенная зря.

«С каждым годом труднее поверить в бога...»

С каждым годом труднее поверить в бога,
С каждым разом труднее найти начало —
А был современный мир, в мире стояли помойки,
И из каждой кровью ужасно воняло.

И стояли котлы,
И строились тюрьмы
Заклоченными для будущих заключенных,
И наверное, тогда уже было немодным думать —
Порешённые правила порешёнными.

Если не знаешь имени бога, зови кого угодно!
Чтобы усердно ратовать – выучи наши мантры!

Эй, капитан!
Мне подбросьте ещё якорей,
Я во веки веков, и ныне, и присно,
Я здесь пью дрянной «777» портвейн,
Охуевая от жизни.

Мечты о революции

Джон стрелял у бомжей сигареты,
Из травмата стрелял по прохожим,
Джон – не душа, заблудшая где-то:
Он убивать и хочет, и может.

Коммунистической приправленный спесью,
Джон караулил детей олигархов,
Их вместе мечтал собрать и повесить,
Хозяев не жалко! Хозяев не жалко!

Ебанутое дитя пролетариата!
Смерть буржуйам и общее равенство!
Убивай богатых, ешь богатых!
Революция всегда начинается с крови, нам
Революция!
Нравится!

Рубашки белые, связаны руки,
Задаётся утро, чуть брезжится,
Вы – враги народа, а ну покайтесь, суки!
Вот такие охуенные сны в психиатрической лечебнице...

«Все женщины делятся на дам и не дам —...»

Все женщины делятся на дам и не дам —
Интеллектуальные шутки низкого сорта,
Мир – это в никуда идущий вагон-ресторан,
Разорванная трахея, окровавленная аорта.

Мир – это шведский стол, а никто не ест,
Перед страхом смерти обычно теряется аппетит.
«Как бы мне так правильно взять лечь или сесть,
Когда разлагающийся кишечник болит».

Люди в вагоне смотрят в окно и слепнут от
Обещанного конца или немыслимого спасения,
Порезанный машинист поезда уже как сутки гниёт,
Гнию, постигая дзен, и я.

В ресторан

Мир материальных ценностей и идей
Вбирает в себя религию, как воздух в лёгкие,
Москва ненавидит вещи, ненавидит людей:
Автомобилисты встречаются в пробки.

Рушится храм системы, тело есть храм души,
Требует ласки, но жаждет опиздюления,
Призрак Европы в новостях мельтешит,
С ним тоска соседствует, русская, древняя.

В итоге – никому не вырваться из сознания обитатели,
Одна судьба – в заточении провести годы и дни,
Здесь народ, недовольствуя, обсуждает мировую
политику
И в рестораны ходит, чтобы почувствовать себя людьми.

Томиком Маркса

1.

Военные – это теперь солдаты, сражающиеся за зарплату,
А торговцы – главные идеологи общества потребления,
Интеллигенция – третий глаз социума, виноватый
В отсутствии у него функции стандартного зрения.

2.

Здесь страна существует, как сразу все страны,
И взрослые, всегда остающиеся детьми,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.